

Берик ДЖИЛКИБАЕВ

«ЕСЛИ СОВЕСТЛИВ ТЫ И СВЕТЛА ГОЛОВА...»

Слово переводчика

Перевод стихотворных произведений Абая на современный русский литературный язык до сих пор еще остается на уровне случайных любительских или официально-юбилейных акций и мероприятий. Естественно, что такое отношение к ответственному и крайне важному делу оставляет у читателей чувство горькой неудовлетворенности. Настоящие опыты перевода трех «золотых стихотворений Абая», выполненные не профессионалом, а лингвистом, являются ин имплицито:

а) попыткой приложить теоретические положения профессора Х. Х. Махмудова о «творческом переводе» к сложному, очень трудному материалу, каковым является контекст Абая;

б) пониманием того обстоятельства, что творческий контекст Абая – это «дом Абая», из которого вышли впоследствии и Мухтар Ауэзов, и Магжан Жумабаев, и Мукагали Макатаев, и многие другие писатели, блестящие имена которых здесь не названы.

Касаясь вопросов художественного перевода, профессор Махмудов особое внимание уделял контексту Абая и его переводам на русский язык. В своих капитальных работах «О стихотворной речи», «Некоторые вопросы теоретической стилистики», «Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи» и др. ученый говорит о непоправимом вреде вольного, «творческого» обращения переводчиков с текстом переводимого автора. «Так, например, широко известное стихотворение Абая “Өлең сөздің патшасы” переводят как “Поэзия – властитель языка”, что совершенно не соответствует ни лексико-грамматическому, ни стилистическому строю стиха. В то время как если дать дословный перевод, используя возможности русского языка с учетом способов выражения оппозиционных отношений (сочетанием двух существительных типа «царь-пушка», «царь-слово», «царь-колокол»), и перевести первую строку как “Поэзия – Царь-слово”, то мы получили бы, на наш взгляд, лучшее соответствие лексико-грамматическому и поэтико-стилистическому смыслу абаевского стиха».

Эти пожелания и наставления учитывались при работе над переводами указанного стихотворения и двух остальных.

Переводчик хорошо понимает, что настоящие переводы очень далеки от совершенства, но тешит себя надеждой, что читатель благосклонно воспримет их как искреннее желание сделать определенный практический шаг вперед на пути глубокого осмысления русскоязычной аудиторией феномена великого Абая.

АБАЙ

«Өлең сөздің патшасы. Сөз сарасы...»

Слово – рыцарь Поэзии, мудрой Царицы!
 Сколько нужно уму и душе потрудиться,
 Чтоб в устах заиграло и в сердце запело.
 Слово – Чудо-перо заповедной Жар-птицы!
 Если речь у тебя чем попало грязнится,
 То какой ты поэт? Надо, братец, учиться.
 Соберутся профаны: стрекочут, гогочут...
 Эх, сверчки! Вам Поэзия вряд ли приснится...
 Побывать в соловьях голубочек стремится.

Но ведь надобно прежде поэтом родиться!
Эй, казахи родные! Аульные гении!
Кто из нас может Музой своей похвалиться?
В старину афоризмами бий уснащал
Речь свою, коль хвалил, порицал иль стращал.
А в акынах ходил разбитной горлопан
И беспечно о всячине всякой трещал.
На домбре и кобызе невежда бренчал.
Наезжая в аул, небылицы вещал.
До небес вознося собиравшийся люд,
За похлебку им райскую жизнь обещал.
Лез из кожи акын. Песню он обращал
В славословья поток без конца и начал.
Побираясь в степи, как безродный изгой,
Свой аул восхвалял, воспевал, величал.
Он охотно такие места посещал,
Где богатый обильно его угощал.
Но от щедрых даров он не делался Крезом,
Мало проку от песен казах получал...
Вот и я, как старинные бии, сижу.
Вот и я, как акын, свою песнь завожу.
Ты же новое слово по-новому слушай,
Поразмысли, зачем я к тебе прихожу.
Ждешь, что я о батырах тебе расскажу?
О красавицах чудных легенды сложу?
Будешь слушать, забросив дела и заботы,
И заплатишь мне, сколько тебе положу?
Нет, мой друг, не надейся на красную ложь!
Мой язык на старинную речь не похож.
Речь моя о глупцах, о скупцах, о лентяях –
Не пеняй, если сам в их число попадешь!
Оглянись! Видишь, каждый вцепился в свой грош.
Не хороший им мил – но миллион им хорош.
Лишь набить бы карманы случайным добром –
Вот заветная цель у дельцов и святош.
В эту шайку хапуг, кто, по-твоему, вхож?
Приглядись и механику тотчас поймешь.
Шустряки так и рыщут – где взять, что продать,
Где кричать «караул», где хвататься за нож.
Всё потеряно: совесть, достоинство, честь...
Заикнись о гуманности – вскинется спесь!
Не нужны им наука, высокая мысль...
Кубок сплетен и лжи – родовая их шерсть.

(1887)

Восьмистишия

То мерцают издалека,
 То из сердца, как родника,
 Рвутся, пенятся и журчат;
 То нагрывают, как из Хивы,
 То, как спущенные с тегивы,
 Льва догонят и приручат;
 Красных слов девяносто уст –
 Кто решится «глаголить» – Пусть!

Пилишь звонче любой пилы,
 Колеешь тоньше любой иглы,
 В мастерстве тебе равных нет!
 Искушенным ты жемчуга блеск;
 Несмышленным – докучный треск.
 Торгашам в тебе прибыли нет.
 Не кручиньтесь, язык и слух,
 Если олух остался глух.

Нет, не будет глубоких дум
 В головах, где отсутствует ум,
 У надутых чванством шутов:
 Соберутся в толпу и орут,
 Друг за друга глотки дерут –
 Их обычай давний таков.
 Ростом вымахал под потолок,
 А ума своего – с ноготок!

В жилах кровь закипит в огне,
 Сердце душит праведный гнев,
 Видя нравы их и возню.
 «Эй, проснись, подтянись, не ленись,
 шевелись, делами займись» –
 Наставляю их, как казню.
 Не идет мой урок им впрок:
 Отвернусь – он спит, как сурок!

Дымом сплетен, как шар, надут,
 Важно плавает там и тут
 В окруженье таких же глушцов:
 Сеет зло бесполезный ум,
 Сеет брат, сеет сват, сеет кум,
 А сынки переплунут отцов!
 Ни стыда, ни совести нет:
 Вот он – нашего общества цвет!

Чем глупее гнусная ложь,
 Тем скорее дорогу найдешь
 К их домам, ушам и сердцам.
 Полупьянный хвастливый сброд
 Оглушил, развратил народ,
 Тащит в пропасть, падая сам.
 Не найти тут и днем с огнем,
 Кто с народом, кто плачет о нем...

Будь не хитрым, не мстительно-злым,
 А доступным, открытым, прямым.

 Не жалеючи сил трудись!
 Не к лицу тебе пошлый смех.
 Упованье на легкий успех.
 Над толпою пройдох поднимись!
 Хлеб, добытый своим трудом,
 Дверь достойным откроет в твой дом.

Земледелец тебе даст совет.
 У торговца есть свой секрет.
 Познавай и добра наживай!
 Красной девушке будет муж.
 Трудолобец впряжется в гуж.
 Радость жизни не прозевай!
 Если дружен не будет с казаком казах,
 Вся казахская жизнь обратится в прах.

Скот свой недругам не отдавай.
 Тяжбу с другом не затевай.
 Будь разумен, будь трезв и прям.
 Берегись: воровство и обман,
 Чиновралов прожорливый клан
 Обглодают тебя по статьям!
 Если совестлив ты и светла голова,
 То на пользу тебе будут эти слова.

Сытость тучного тела
 Без заботы и дела
 Превратит человека в скота;
 Пораженный недугом,
 Насмерть схватится с другом,
 Как взбесившихся два кота.
 Эй! Очнись! Время лжи истекло, прошло.
 Наступила пора расхлебывать зло!

Эй, молодчики! Время зазря убивать,
 У сородичей скот по ночам воровать,
 Кто вас учит с ногтей младых?!
 Знайте, голуби, нету преступных дел,
 Чтобы наглый хитрец их укрыть сумел!
 По делам будет кара для них.
 Года три-четыре пройдет,
 А потом расплата придет.

Хоть на вид моя плоть сильна,
 Безнадёжно душа больна.
 Нет покоя моей голове.
 Стало тяжело, тесно груди.
 Сердце ноет, свербит, нудит:
 Я в слезах, как роса в траве.
 Забавлял я искусством пресыщенных рой
 Вот теперь и карман у меня с дырой.

Да, теперь я – известный герой:
 Ни рукой шевельнуть, ни ногой.
 Жизнь прошла, пролетела за так.
 Жизнь моя – отшумевший базар,
 Жизнь моя – отгоревший пожар,
 Сам теперь я – никчемный «кожага».
 Не вернуться вспять, говоря: «Скоро ночь!»
 Ты в дороге, и кто тебе может помочь?

Нет, один против тысячи не борец!
 Десять тысяч обманет Смагулов – хитрец!
 Что ж поделаешь? Выхода нет.
 Эх, головушка ты, моя голова,
 Золотые, крутые мои года!
 Как бездарно растратил я вас!
 Сколько пота и слов погублено зря
 Там, где хитрость, глупость и алчность царят.

Вон стоит говорун, ходок.
 Гусь бывалый, законов знаток –
 Ну ни дать ни взять – важный чин!
 Почему ж он робеет, трясется,
 Мелким бесом, рассыпавшись, вьется?
 Знать немало для страхов причин!
 Клан невзлюбит, так в пыль согрет.
 Угодишь – до небес вознесет.

В рог бараний чинуша согнул народ:
 Все дрожат, открыть не решаются рот.
 Говорят и косятся на дверь.
 Ты следишь за народом. Дурак ты, дурак!
 Люди тоже запомнят каждый твой шаг.
 Ну скажи, кто Охотник, кто Зверь?
 Знаешь, как назывался еще в старину
 Муж ничтожный, выслеживающий жену?!

Кто в начальство прополз, пролез,
 Средь людей одинок, как перст,
 И на жалкую жизнь обречен.
 Посмотри, вон наперсник твой,
 Он следит, как шакал, за тобой.
 Продает тебя зря почем.
 Лучший друг твой – вор из воров.
 Насолит тебе – будь здоров!

Будешь весь в крови и в пыли,
 Будут слуги твои – короли –
 Сапогами тебя топтать.
 Ты же будешь вставать, лопоча,
 Еле-еле ноги влача,
 К ним тянущся, в ряды их встать.
 Измарался, истерся, а лезешь во власть.
 Быть во власти – ведь это такая сласть!

Счастлив тот, кто знанья искал,
 Жаждал правды, ночами не спал.
 Он вкусил просвещенья плодов.
 А невежда был глух и слеп.
 Что ему? Был бы в доме хлеб!
 Ел и спал. Вот всего делов.
 Он ни рыба ни мясо. Ни то ни сё...
 И мои начинанья не клеятся всё...

Чтобы знаний жилу найти.
 Чтоб изведать правды пути,
 Я смотрел и туда и сюда.
 И слепых я частенько встречал,
 И с глухими часами молчал.
 Много в мире невежд, господа!
 Вижу я, что званья тебе не нужны.
 Бог с тобой, дорогой! Держись за штаны.

Я взошел на высокий утес.
 Ветер голос мой вдаль унес,
 А в ответ только эхо звучит.
 Я за эхом долго бродил,
 Колесил, выбиваясь из сил,
 Но коварное эхо молчит.
 А утес как ни в чем ни бывало стоит,
 И ни звука. И что он в себе таит?

Тех, кто мчится, как вихрь, верхом,
 Не догонит идущий пешком.
 Что мои наставленья для вас?
 А болезнь моя так крута,
 Что огонь идет изо рта,
 И горючие слезы из глаз.
 Жжет огонь – спасения нет,
 Вот и льются слезы в ответ.

Мне не спится в пуховой постели.
 Словно камни лежат на теле.
 Думы горькие отняли сон.
 Слышал я, что народ, ох, доволен,
 Что сосед его обездолен.
 Ну когда ж образумится он?!
 Всё хитрит, интригует, ловчит.
 А попался – Коран ему щит!
 Были мы от отца вшестером,
 И от матери вчетвером.
 Одиноким меня не назвать.
 Я роднёю по горло богат:
 Каждый третий мне кум и сват,
 Только слов моих им не понять!
 Как могила баксы среди долин,
 Я остался – о, небо! – один...

Көзімнің қарасы

Свет очей моих – Ты.
 Бред речей моих – Ты.
 Мое сердце пожар,
 И зажгла его – Ты!

Хоть всю степь обойди,
 Мудреца не найти,
 Кто б видал иль встречал
 Вот такую, как Ты!

Сколько слез я пролью!
 Сколько слов пригублю!
 Чтоб сказать в нужный час,
 Как тебя я люблю!

Из души достаю
 Пламя слов, боль свою,
 И на милость твою
 Я себя отдаю.

Умный взгляд твой глубок,
 Не уклонится вбок:
 Будет твой приговор
 Справедлив и жесток!

Ты – невинный цветок,
 И джигитов поток
 Не волнует Тебя.
 Не настал еще срок!

Дом не дом без семьи.
 Нет без правды Судьи.
 Без царя голова,
 Если пусто в груди.

Не возьмешь за труды,
 И в награду не жди,
 Суть Любви темна,
 Речь о том впереди.

Лоб – луна в поздний час,
 Косы – шелк и атлас...
 Ах, открой же лицо!
 Дай взглянуть только раз!

От огня черных глаз
 Кровь волнением зажглась.
 Губы – алый бутон
 Прячут жемчуг от нас!

Профиль нежен и чист.
 Стан, как стебель, волнист.
 Грудь – морская волна:
 Захлестнет, берегись!

Не стыдись, не сердись
 И поближе садись:
 Образцом красоты,
 О, мой взор, насладись!

Ты грустишь – мне метель,
 Ты шалишь – мне апрель.
 Твой залиvistый смех –
 Соловьиная трель.

Если зло – твоя цель,
 Мне и гроб – колыбель.
 Забирай мою жизнь,
 Что тянуть канитель?!

Ты – цветок полевой.
 Солнца блеск золотой,
 Как увижу тебя,
 Становлюсь сам не свой.

Я стою, неживой –
 Ни рукой, ни ногой.
 Мне ль тебя воспевать?
 Я от счастья – немой!

Ты – бальзам для сердец,
 Ты венцов всех венец,
 Тех, что создал уже
 И не создал Творец!

Красота – дар небес,
 А любви образец
 Показал нам пророк, –
 Тут он был молодец!

Из орлов и орлят,
 Что любовью горят,
 Выбирай, не спеши –
 Мы твои все подряд.

Эх, не зря говорят,
 Что любовь – это яд!
 Утолит мою боль
 Даже издали взгляд!

Тут соперников рой,
 Блещет каждый второй.
 Улыбнись краем губ –
 Он глядит как герой.

Если ж я, как любой,
 Буду презрен Тобой,
 Не оставит Аллах –
 Даст мне вечный покой...

(1891)